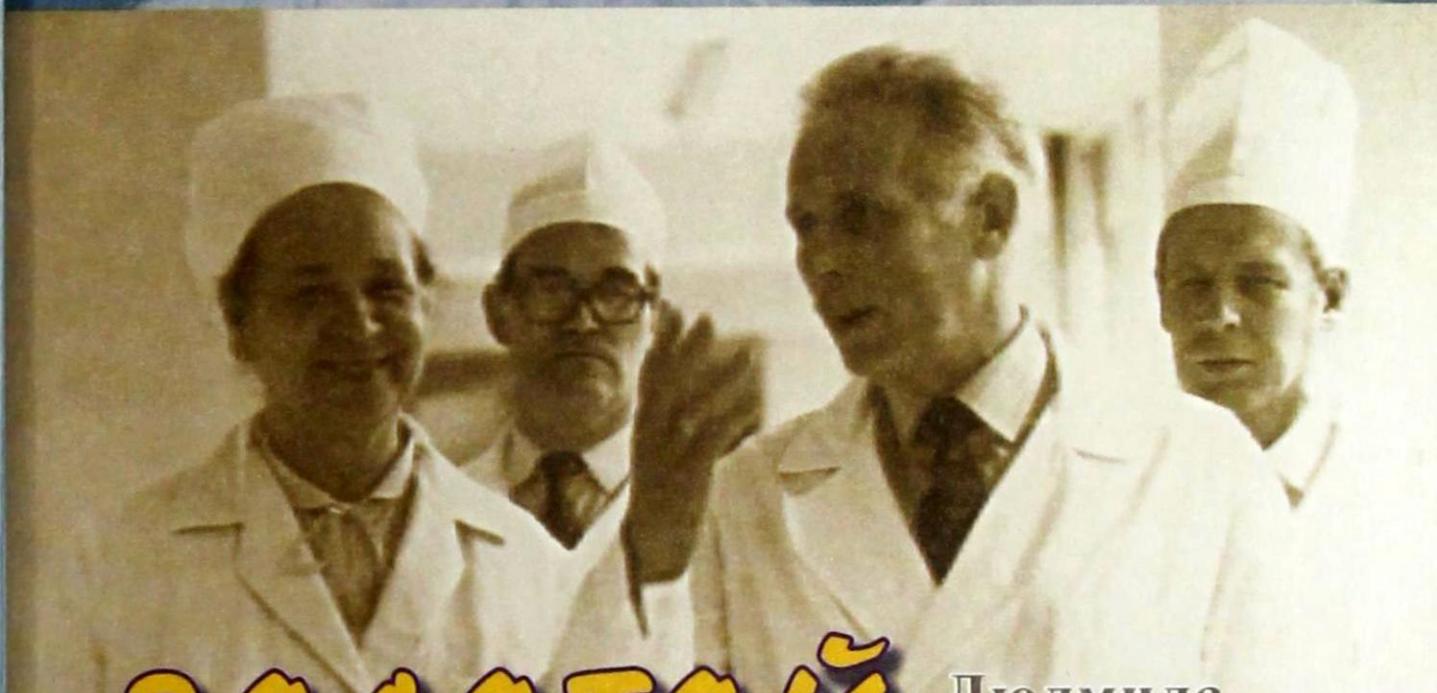

Имя твое —
в истории
края

ЗОЛОТОЙ СКАЛЬПЕЛЬ

Людмила
КАРИМОВА

ОБ

ОБ

ИМЯ ТВОЕ —
В ИСТОРИИ КРАЯ

5
к23

Людмила КАРИМОВА

ЗОЛОТОЙ СКАЛЬПЕЛЬ

Художественно-документальная
повесть

03

91382-1 ✓

БАЛАКОВСКИЙ РАДИОФИРМЫ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Саратов

Региональное Приволжское издательство

«ДЕТСКАЯ КНИГА»

2002

ЧИТАЛЬНЫЙ зал

ЩГБ

УДК 617-089(470.44-25)+929 Куницына
ББК 54.5г(235.54) Куницына Т. А.
К23

Каримова Л. М.

К23 Золотой скальпель.– Саратов: Регион. Приволж. изд-во
«Детская книга», 2002. – 160 с.
ISBN 5-8270-0266-6

Художественно-документальная повесть о докторе медицинских наук, профессоре, заслуженном деятеле России, создателе первой в России кафедры онкологии в Саратовском медицинском университете, Почетного гражданина города Саратова Т. А. Куницыной.

Б 4702010204-03 без объявл.
Д24(03)-02

УДК 617-089(470.44-25)+929 Куницына
ББК 54.5г(235.54) Куницына Т. А.

ISBN 5-8270-0266-6

© Людмила Михайловна Каримова,
автор, 2002
© Иванов Валентин Константинович,
художник, 2002
© Региональное Приволжское изда-
тельство «Детская книга», 2002

*Есть имена,
Ценой превыше злата,
Светлей Весны,
Надежнее булаты —
Их на Руси моей
Не перечесть.*

Слово к читателю

Немало имен вошло в летопись Саратовского ордена Трудового Красного Знамени государственного медицинского университета. Одним из первых — имя видного ученого, педагога, талантливого хирурга, общественного деятеля, доктора медицинских наук, профессора Татьяны Александровны Куницыной.

Ученица и преемница крупнейшего советского хирурга Ивана Минаевича Поповьяна, Татьяна Александровна создала большой молодежный коллектив, воспитала его в лучших традициях русской хирургической школы.

Считаю своим человеческим и писательским долгом (давно уж настала необходимость!) рассказать о становлении личности человека столь значительного, что прижизненная слава его шагнула далеко за пределы Саратова, губернии, России.

Ушедшая на фронт прямо со студенческой скамьи, по призыву и собственной мобилизации, женщина-воин, женщина-врач, она прошла с боями в составе военно-полевого госпиталя Первого Белорусского фронта по горящим землям Белоруссии, Польши, Германии. Она не раз встречалась лицом к лицу со смертью, но оставалась

все той же прекрасной и доброй женщиной, спасала солдат от смерти, вселяла в них надежду.

Татьяна Александровна Куницына — кавалер ордена Красной Звезды, ордена Трудового Красного Знамени, ордена Отечественной войны, двадцати пяти медалей, среди которых: медаль Жукова, «За взятие Берлина», «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другие.

Очень важно, что мы посвящаем книги не только воинскому героизму в годы Великой Отечественной войны, но и творческим, научным подвигам, упорному труду одного человека на благо многих — этому всепобеждающему дару Любви!

СВЕТЛЫЙ ЗНАК НЕБА

Танечка Куницына была первым ребенком в семье, всеобщей любимицей.

Был большой праздник на улице Вольской. Птицы со всех садов приветствовали новую жизнь. Цветы заглядывали в окна. Прохожие останавливались: бывает же людям счастье!

Свет июльского неба во всю блистал в окнах, большое щедрое волжское солнце теплом всех одаривало, по улице Вольской и по всему большому городу шло великолепное волжское лето...

Далее было не так солнечно, не так тепло. Стали перепадать другие, холодные дожди, от которых стыли и краснели пальцы, слезились глаза, и руки приходилось непрерывно согревать дыханием.

Ветры стали задувать пронзительные. Птицы замолкли, а потом и совсем исчезли. Цветы и травы пожухли и заглядывали теперь в окна тайком, боясь своим видом испугать счастливую девочку...

Глаза родителей все реже стали излучать счастье, все чаще поблескивало в них что-то прохладно-тревожное, предчувствия грядущих невзгод, больших и трудных перемен. Внестаки кто-то невидимый в счастливый дом на улице Вольской, в большой и красивый город, на родную землю неблагополучие...

Приход в мир, в жизнь маленькой Танечки Куницыной ознаменовался мрачными событиями в стране, не упомянуть о которых нельзя. Ими насыщался каждый день, каждый час, они присутствовали в разговоре, в песне, в книге, в школе, дома, в самой атмосфере жизни...

Весной и летом 1921 года в Поволжье разразился страшный голод. От него погибло около шести миллионов человек. Из-за нехватки сырья и топлива закрывались предприятия. Люди оставались на улице без работы. Многие уезжали с детьми в деревню в поисках пропитания. Как правило, оттуда не возвращались: деревня голодала.

Ее отец Александр Степанович, в прошлом именитый пензенский купец, преуспевающий и пользующийся большим

уважением среди своего сословия человек, известен был в Саратове. Частые поездки с товарами, верность слову и исполнение обещанного сблизили его с местным купечеством. К нему прислушивались, его уважали, ему верили. Известные купцы Саратова, бывая в пензенских краях, не обходили дом Куницыных. Невесту себе Александр Степанович сам приглядел, из саратовских выбрал.

Ольга Иосифовна также принадлежала к купеческому роду. Не слишком знатному, не слишком богатому. Доходы были невелики. Хватало только на то, чтобы прокормить семью и дать детям приличное образование. Ольга окончила восемь классов гимназии и ссыла барышней образованной, красивой. У нее было много друзей, таких же образованных молодых людей, которые часто бывали в их доме и имели свои виды, свои намерения, самые, разумеется, добрые и далеко идущие. Ольга могла прекрасно занять гостей. Она прекрасно музицировала, даже пела под собственный аккомпанемент. Хорошо знала французский язык. Была умелой хозяйкой, пекла чудесные пироги. Угощения удивляли изысканностью, своеобразием. Было у нее и еще одно великолепное качество, она прекрасно шила. Из ничего могла сделать вещь замечательную, удивительную, потому и одевалась на загляденье другим — оригинально и в то же время просто.

Завидная невеста! Приглашенный на один из домашних вечеров Александр Степанович, едва увидев Ольгу, сердцем понял: это его судьба! Никаких сомнений, колебаний больше не было. Она стала его невестой.

Александр Степанович для себя все решил: перебраться на жительство в Саратов и безотлагательно! Женихов в округе было хоть отбавляй. Не потому ли и поспешил со своим решением Куницын, чутким любящим сердцем уловив момент, когда откладывать больше нельзя. Только она, большая любовь повелела ему оставить все привычное, родное, хорошо сложившееся годами и десятилетиями там, в Пензе.

Был куплен дом на Вольской улице. Дом был добротный, основательный, какой и подобает иметь купцу, с большим даже по тем временам двором, где свободно разместились многочисленные пристройки, подсобки, сараи, конюшни. Дом был с теплыми сенями. В них место находилось всему. Лари, мешки, ящики всегда были полны самого необходимого в доме. Товары складывались отдельно по строгому порядку и

расположению так, чтобы в нужный момент не искать, а подойти и взять. Толк во всем этом Александр Степанович знал. Во дворе у него постоянно находились каретники, приходили и уходили разночинные люди. В конюшнях пусто не было — лошади самых разных мастей вызывали интерес не только у простых любителей, но и у знатоков. Все пребывали в деловых разговорах, спорах, обсуждениях новых событий. Хмурые и улыбающиеся, бедные и богатые шли к Куницыным как к своим, советовались, находили поддержку. Люди желали дому и хозяевам блага и процветания...

Вскоре после свадьбы, которая была запоминающейся, с пирогами, настойками собственного приготовления, с песнями, небывалыми планами на будущее, в доме воцарился покой и порядок.

Семья Куницыных взяла к себе на постоянное жительство брата Ольги Иосифовны — Бориса Иосифовича. Места всем хватало. Да и веселее было жить вместе. Но вскоре Борис Иосифович, сильно простудившись, заболел. За обыкновенной простудой последовало воспаление легких, которое он не перенес. В год смерти Борису Иосифовичу исполнилось всего двадцать пять лет.

Долгой печалью отозвалась его преждевременная кончина в сердце сестры. Да и Александр Степанович, так привязавшийся к Борису, испытывал горестное чувство.

Татьяна Александровна на всю жизнь запомнила Анастасию, сестру Александра Степановича, свою тетю. Она была женщиной неграмотной, едва умеющей расписаться и прочитать самое необходимое, но необыкновенно добрая, ласковая, всегда приветливая, очень женственная и обаятельная.

Анастасия работала прислугой в доме директора той гимназии, которую окончила в свое время мать Тани, Ольга Иосифовна. Позже тетя Настя поселилась в семье Татьяны Куницыной. Не гнушалась никакой работы, разделяя с близкими все радости и тяготы жизни, а иной раз просто спасая семью.

А пока Ольга Иосифовна самаправлялась со своим собственным, не таким уж и большим хозяйством. В доме уютно и чисто. А главное — царит атмосфера доверия, созданная согласием родителей, не чаявших души друг в друге. Свою необыкновенную любовь Ольга Иосифовна и Александр Степанович пронесли сквозь всю тревожную жизнь.

«Они жили очень дружно, — будет вспоминать позже не раз Татьяна Александровна. — Папа столько перенес, тяжело заболел. А мама дожила с нами до 85 лет. Всякое пришлось им видеть в жизни. Больше было плохого, но ни разу никто никого не упрекнул. Я видела только улыбки, их счастливые глаза, встречала только поддержку, любовь. Мне так хорошо было с моими родителями, и многими успехами я обязана только им. Я счастлива, когда вспоминаю наши вечера с задушевными беседами, откровениями, музыкой...»

В доме Куницыных у всех были свои обязанности. Они ценили самостоятельность, уважали и любили труд. Любой труд, лишь бы он был полезен, приносил добро.

Во многих знакомых купеческих домах была прислуга, порой очень многочисленная. Не все любили свою работу, не все были добрыми, бескорыстными людьми. Всякое случалось. Приходили за советом к Александрю Степановичу, порой искали у него защиты. Александр Степанович крепко помнил наказ своего отца Степана Куницына: каждый человек должен жить своим трудом и по своим силам, иметь столько, сколько сможет сам добыть своей смекалкой, силой, умением. Потому в доме был бесхитростный настрой, порядок, истинная доброта. Порядочность, искренность и чистота отношений родителей поражали Таню.

Александр Степанович сразу же по приезде в Саратов организовал свое дело. Оптом и в розницу стал торговать разным мелким товаром. Для начала даже открыл собственную скобяную лавку на Верхнем базаре.

Но время частных торговцев уже изживало себя. Постепенно день за днем торговые дела шли все хуже и хуже. Покупатели стали упорно сторониться частников, предпочитая государственные торговые точки и новые магазины. Как ни старался Александр Степанович, работа его не продвигалась ни на шаг. И он уже угадывал грядущую нужду. Не за себя боялся, а за любимую жену и маленькую дочку. Их будущее виделось ему туманным и совсем нелегким. Это был очень деликатный человек, интеллигент старой закалки. Такие, если поверят во что-то, дадут клятву сердцем, ни почем не отступятся, не предадут.

Многие люди купеческого звания постарались уехать куда или раз и навсегда рас прощаться со старым ремеслом, обзавестись новыми знакомыми, а порой даже и новыми

документами. Александр Степанович не собирался никуда уезжать. Он гордился тем, что остался самим собой, а с разными изворотливыми хитрецами из бывших своих знакомых постарался как можно скорее расстаться.

Ольга Иосифовна тоже растеряла всех знакомых, приятельниц, подруг: некоторые уехали в поисках куска хлеба к родственникам. Едва начавшаяся переписка то с одной, то с другой подругой вдруг прерывалась...

С торговлей было окончательно порвано. Новой специальности Александр Степанович так и не приобрел. Помочи ждать было неоткуда. Куницыны стали еле-еле сводить концы с концами. Продавались ценные вещи, имевшиеся в доме, доставшиеся по наследству и полученные от родителей как приданое. Домашние больше помалкивали. Но по их глазам, недомолвкам, усталым походкам Таня, от рождения внимательная к окружающей ее жизни, понимала, что радость в доме стала редкой. Одного она не была лишена: любви родителей. Ольга Иосифовна и Александр Степанович так горячо любили свою дочурку, свою единственную надежду, что готовы были перенести все невзгоды, все испытания, которые уготовила им судьба. Танечка была их светом в окне, одной их радостью.

После многочисленных ходатайств, просьб и долгих ожиданий Александр Степанович смог устроиться на государственную службу счетным работником. На большее рассчитывать не приходилось. Он и этому был рад. Теперь его семья оживет. Работа была совершенно изнурительной, выматывающей. Приходилось иногда оставаться на рабочем месте до глубокой ночи. Требовалось огромное напряжение зрения. Но на этой работе давали продуктовый паек.

Нужда поселилась в доме Куницыных прочно и надолго. Она все жестче, все настойчивее давала о себе знать. Танечкин смех слышался редко. Она все понимала и разделяла со взрослыми их неблагополучие, по-своему стараясь как-то им помочь.

Вскоре родители Тани были вынуждены продать свой дом, дорогое, родное гнездышко, где родилось их счастье, с которым связаны самые лучшие их воспоминания, надежды.

Покупатель нашелся быстро.

Неподалеку от Куницыных в доме напротив жила семья Бойко. Сначала сдружились их дети, потом сблизились и

родители. Бойко владели небольшим зверинцем. Среди зверей были и экзотические. Располагался зверинец в большом наемном помещении между улицами Радищева и Горького, в самой глубине большого старинного двора. Дети с радостью бегали в этот зверинец. Часами наблюдали за животными, тайно подкармливали их, придумывали свои ни на что не похожие клички.

Хозяевам, видно, тоже стало невмоготу содержать зверинец. Особенно трудно было с хищниками. Из-за дороговизны доставать свежее мясо стало невозможно. Казалось, что звери, как люди, все понимают. Посетителей приходило все меньше и меньше. Уменьшились доходы.

Посоветовавшись с друзьями, родственниками, людьми, оказывающими иногда благотворительную поддержку, Бойко пришли к выводу: перейти к оседлому образу жизни, обзавестись собственным домом.

Читатель догадлив: дом Куницыных купили Бойко, купили недорого. Обе стороны были очень довольны. Куницыны радовались тому, что будут иногда бывать в своем любимом доме. Дети опять играли вместе, хотя и жили теперь подальше друг от друга. Семьи продолжали дружить.

У Бойко были сыновья. Мальчики иногда задирали Таню, играя, подсмеивались над ней, неулыбкой-девчонкой. Но они тянулись к Тане, потому что она умела придумывать игры, старую игру повернуть таким образом, что становилось интереснее, смешнее.

Близких друзей у Тани не было. Удивительно, но факт. Были просто знакомые соседские девочки, совсем неинтересные, которые и ее, Таню, наверное, считали неинтересной. Таня не умела и не хотела обсуждать невезучего, неуспевающего, несчастливого. Она, на вид такая серьезная, умная, ни от кого не зависимая девочка, умеющая и постоять за себя, на самом деле считала себя самым несчастным созданием на земле: у нее совсем не было подруг! Вот что вспоминает о себе сама Татьяна Александровна:

— Подруг у меня не было, к сожалению, к великому моему сожалению. А этого хотелось! Я видела, как другие девочки дружат между собой. Мне было завидно. А я была всегда одна. Если рассказать почему, не поверите. Разные люди дружат между собой, а вот со мной никто не дружил. Все моя внешность! Я была длинной некрасивой девчонкой, всегда,

подчеркиваю, всегда, сколько помню себя, очень плохо одетой. Обновки в доме никогда не появлялись ни у меня, ни у мамы... Помню, как однажды настали такие ранние холода, совсем жуткие, зимние, а на дворе еще стояла осень. У меня не было пальто, теплой кофты. Мама мне из занавесок что-то состряпала. Мама у меня мастерица, из ничего сказку сделает. Получилось красиво, ведь занавески были старинные, плюшевые. Мама шила и плакала. Она понимала, что это все заметят, но зато мне будет тепло. Я радовалась красоте, радовалась тому, что мама у меня такая умелица и умница...

Но... Ко мне все равно никто из девочек не подошел. Никто даже не заметил, что я в новом пальто. Не взглянул даже. Будто перед ними прохаживалась обыкновенная серая ворона. И я стала тогда обходить всех сама: не хотите, не надо! Я вас, таких, тоже не хочу!

Эта длинная тощая девчонка, действительно, напоминала гадкого утенка из знаменитой сказки Андерсена. А через много-много лет, после тяжких испытаний, военных дорог и горестных лет, в полном расцвете сил будет идти легко и красиво Татьяна Александровна Куницына во главе своей свиты с очередным обходом больных. И скажет вслед ей тихонечко, как бы про себя, знаменитый писатель, знаток человеческих душ, глубоко разбирающийся в людях, одно только слово, но какое слово: «Королева!» Да, королева! Она сама себя сделала королевой. Так жизнь распорядилась. Долгое время для этого потребуется. Вот и повторится в который уже раз «Сказка о гадком утенке»!

Да, о красоте мы знаем далеко не все. Восхититься, упиться нерассудочностью, стихийностью красоты? Это и любой слабомыслящий может. А вот суметь разглядеть великую божественную красоту, ту самую грацию души попробуйте-ка! Кто мог, разглядел враз, едва подняв глаза на нее, и воскликнул не для всех (а это самое главное!), для себя воскликнул, как прошептал, тайное «Королева» — и все. И не требуется долгих рассуждений...

Итак, она звалась Татьяной... Куницыной! Пока так звалась. Характер свой, куницынский, сама себе создавала, ни на кого не кивала, ни к кому не бежала за советом. Не к кому было бежать, кроме своих дорогих родителей. На сторону не имела привычки со слезами или с радостью спешить. Рожда-

лись в ней самой, еще маленькой девочке, внутренняя подтянутость, самодисциплина, умение ограничить себя. Таня с самого детства не позволяла никому плохо с собой обращаться, повода не давала. Не делала скрипок, даже самым близким и дорогим людям. Сама жизнь ее этому учила.

Длинноногий, длинношеий ребенок чуть ли не падал в обморок от голода потому, что всегда недоедал. Уцепившись за какую-нибудь скамейку, она делала вид, что на минутку остановилась отдохнуть, задумалась, что-то вспомнила. Ей так необходимо было постоять, прикрыв глаза. Иногда это повторялось так часто на протяжении дня, что Таня боялась выходить на улицу, сидела дома. Она заметила, что с мамой происходит то же самое. Но о себе говорить ей не решалась, боялась ее расстроить.

Беду никогда не ждешь. Она явилась вслед за нуждой, как ее старшая сестра: хотите, не хотите, а встречайте!

Было горько, стыдно, унижительно, когда в дом ввалились люди в милицейской форме. Впереди ввели понятых — ближайших соседей, которые, стоя в дверях, ничего не понимая, все перешептывались между собой, многозначительно переглядывались, стараясь не упустить момента «изъятия и захвата ценностей у бывших господ», как их поспешили оповестить. В господ они, конечно, не верили, а вот в утаенные от государства ценности — кто знает?.. В газетах всякие случаи описывались. Такие сокровища порой изымались, уму непостижимо. Никакими словами не опишешь, сказочные богатства...

— Сразу говорите: золото, серебро, всякие там драгоценные штучки имеются? Отвечайте! Долго, долго держали тайно, господа! Что молчите-то, а? Что, не хотите добровольно отдавать? А по нашим сведениям у вас немало понапрятано, располагаем необходимыми данными, так-то вот!

И начался обыск. Переворачивалось и перетряхивалось все, что можно было поднять и вывернуть наизнанку, вплоть до подушек. Дом сразу превратился в свалку вещей. Под ноги понятым катились шпульки с нитками, наперстки, пачки писем, коробки и шкатулки, книги с растерзанными переплетами, столовые принадлежности. Перетряхивалась вся кухня. Открывались даже кастрюльки с жидким супом. Подымались ломом доски пола, подоконники, тряслись детские игрушки. И опять зычный голос раздавался над самым ухом, заставляя

вздрагивать и молиться о том, чтобы все это как можно скорее кончилось и в доме наступила, наконец, тишина и покой:

— И что молчите, господа? Раз молчите, значит, знаете: не найдут! А мы найдем, будьте покойны! Голодающим детям надо помогать, страна разорена врагами, а вы тут помалкиваете, притаились, чего-то все выжидаете... Вот эта коробочка, скажем, представляет для нас особый, так сказать, интерес. Она, явно, из тех, в которых хранят драгоценности. Но она пуста. А где ее содержимое? Ах, давно продано на питание! Ну что ж, занесем этот факт в протокол и продолжим...

Красное, злое, сытое лицо... Невозможно такое вынести! Она закрывала лицо ладошками, чтобы глаза ничего не видели. Пальчиками старалась дотянуться до ушей, чтобы ничего не слышать. Но все равно все слышала. На всю жизнь запомнила! Гнев и упрямство впервые поселились в ее маленьком добром сердце. Нескоро удалось ей изгнать из него этих непрошеных гостей...

Никакого золота, серебра или чего-то другого ценного, конечно же, найдено не было. Пустая трата времени, напрасные хлопоты измотали не в меру ревнивых служителей порядка, да и понятых тоже, которые, ссылаясь на неотложные дела, поспешили удалиться. Но отца, Александра Степановича, неизвестно за что вдруг арестовали и увезли с собой в участок:

— Из купцов будете? Знаем. Нам все о вас известно, гражданин Куницын. В Пензе много родни осталось? Часто туда наезжаете? Не верится, чтобы у вас ничего не было. Ваш брат, купец, хитер, запаслив. Ну да ладно, в участке еще поговорим, одевайтесь быстро!..

А вскоре Александра Степановича посадили в тюрьму, как объявили «за укрывательство ценностей».

Совсем плохо стало в доме Куницыных. После случившегося долго не могли прийти в себя Ольга Иосифовна, Анастасия. Они, как тени, слонялись по дому — все наводили порядок, подбиравая то одну, то другую вещь, когда-то такую красивую, дорогую сердцу, а теперь всю затоптанную.

Надо было успокоить Таню, которая совсем слегла, отказывалась от еды и не желала никого видеть.

Имеющиеся небольшие средства подходили к концу. Что ожидало семью хотя бы в ближайшем будущем, было неяс-

но. Стали продавать все подряд, что годилось на продажу: посуду, одежду, дорогие сердцу дареные вещи, часы, книги... Где можно вывешивались объявления о продаже. Анастасия ходила на рынок с вещами. Прошло немало времени, Таня стала поправляться, выходить на улицу, улыбаться. Ждала возвращения Александра Степановича. Не может же невинный человек долгое время находиться в тюрьме? Верили, что справедливость в этом мире все-таки есть.

Но в один прекрасный день те же блюстители порядка, произвели очередной обыск. Уже никого не напугавший, кроме Анастасии, которой опять придется долго убираться, наводить в доме порядок. Этот обыск был таким же, как предыдущий.

Арестовали и увели Ольгу Иосифовну. Испытание за испытанием посыпало небо. Где только было брать терпение? Обвинение то же самое, несуразное. Уже всем надоевшее. Хотелось только плюнуть в лицо, монотонно говорившее уже заученное наизусть обвинение, но все-таки читаемое по бумаге, наверное, только для того, чтобы опустить глаза вниз и не смотреть прямо на обвиняемого невесть в чем:

— За укрывательство от законных властей...

Остались теперь в доме совсем голодные двое: старая, да малая, согревающие друг друга ласковым словом да надеждой. Не роптали на судьбу, никому не жаловались, думали, как прожить, протянуть время до возвращения родителей. Никак не верилось им, что это может продолжаться так долго, что они никому не нужны. Придумали сдавать квартирантам пустующие холодные комнаты, поскольку сами давно уже перебрались в одну маленькую — в ней уютнее и теплее. Это был единственный способ выжить. Последний случай не умереть с голода. На базар Анастасия уже не могла ходить, сильно болела. Ее свалили беды, обрушившиеся на семью так внезапно, так резко, так неожиданно, что про запас ничего не сумели приобрести. За Анастасией нужно было ухаживать, она почти не вставала. Маленькая Таня взяла на себя все обязанности по дому: что могла, готовила по указанию бабушки, приносила ей лекарства, убиралась...

Вскоре к ним поселился по объявлению один еврей, весельчак, большой любитель искусства, знающий все театральные новости города и столицы, человек неунывающий, денежный и щедрый. Он очень сочувственно отнесся к бедным

хозяевам, посоветовал духом не падать, надеяться. Он сказал, что их случай не единственный и что это еще не трагедия. Он знает такие страшные исходы, что и говорить о них не стоит. При каждом удобном случае жилец старался поддержать бабушку Анастасию, ласково потрепать по головке Таню, как бы говоря: «Не унывай, держись! Я с тобой!» Иногда он угождал Таню.

В доме частенько стали бывать гости, хорошие добродородочные люди. Пелись песни, велись интересные разговоры на непонятные Тане темы об искусстве, об изданиях. Тане очень нравилась одна красивая балерина, чаще других гостей бывавшая в их доме. Таня буквально ходила по пятам за этой гостью. Но чтобы неходить просто так, она придумала подавать гостям чай, чего никак сама от себя не ожидала. Это было необходимо ей самой, как глоток свежего воздуха. Теперь она чувствовала себя участницей чего-то необыкновенного, красивого. Гости были в восторге, Таня — тоже! Это походило на красивый спектакль, разыгрываемый на домашней сцене, где все были знаменитыми актерами и актрисами. Таня даже слова придумала для этого спектакля: для входа — одни, для приветствия — другие, для прощания — третьи, самые задушевные с пожеланиями здоровья и счастья. Это, пожалуй, было острой необходимостью маленько-му одинокому, так много страдающему сердцу, ждущему страстно чего-то необычного, ищущего и не находящего выхода из тупика жизни. А бабушка Анастасия, старенькая и такая вся больная, лежала в это время на своей кровати, охала и ждала, когда освободится ее Таня. Она прочитала по-старинному, жалобно и долго-долго.

Хорошо, что квартирант платил деньги исправно и вовремя. Можно было купить самое необходимое хотя бы на короткое время...

Неожиданно пришло сообщение, что на родине Александра Степановича, в Пензе и в близлежащих районах в один день раскулачили всех Куницыных без исключения, невзирая на возраст и болезни, многих уже в преклонном возрасте родственников. Всех вывезли в неизвестном направлении без теплой одежды, без запасов пропитания, вызвав обманом из дома среди ночи и не пустив обратно даже за самым необходимым. Таня почти никого из них не знала, но чувствовала, что совершилось что-то очень жестокое. Надолго замкнулась девочка.

Вскоре к Тане и бабушке Анастасии нагрянули нежданчные гости — какие-то дальние родственники из тех, кого, раскулачив, отправили в изгнание. Их тоже преследовали. Ставяясь незаметно раствориться в большом городе, они попросились на время, да так и прижились, днем куда-то исчезая, на ночь собираясь вместе.

Таня продолжала ухаживать за бабушкой, не обращая никакого внимания на приходящих и уходящих: приютили и хорошо. Где только и силенки брала эта девочка, столько горя уже хлебнувшая в жизни?

А время шло себе и шло. Люди, считающиеся родственниками, питались отдельно. Таня приходилось где-то добывать для себя и для бабушки. Квартирант, видя такую толчею в доме, съехал с квартиры, нашел место поуютнее, поскокайнее.

Не писать бы все эти горькие строки!

В дверь постучали. Сначала стук был легонький, как бы робкий, потом уверенный. Почувствовав очередную беду, и Таня, и бабушка Настя затаились. Долго не открывали дверь. «Что бы это могло значить? — подумала каждая из них. — Забирать вроде бы уже некого, для бабушек и маленьких внучек тюрьмы вроде бы не существуют...» В дверь забаранили так, что посыпалось все с полок, прибитых рядом с дверью. Пришлось открыть.

Не зря же говорят, что беда не приходит в одиночку.

Прижавшимся друг к дружке бабушке, трясущейся, как осиновый лист, и совсем маленькой девочке объявили о том, что дом их конфискован на основании решения суда. В нем будет размещено государственное учреждение, крайне необходимое на сегодняшний день. Сзади читавших сие постановление толпились соседи. Некоторые негодовали. Обещали пойти жаловаться куда следует. Но вскоре все разошлись. А Куницыным сказали, что утром придут их выселять. Пусть они подготовятся и возьмут только самое необходимое. Остальное имущество будет заперто в сарае, во дворе...

Утром всех выселили. Законные и незаконные обитатели дома оказались на улице. Им не предоставили никакого жилья. Причитания и слезы бабушки были не в счет.

— Злыдни! Да как вас земля-то носит? Отольются вам наши слезы, ох, отольются... На кого руку подняли, а? Отца с матерью в тюрьме гноят. Дитя малое, как щенка, на улицу, под забор выбрасывают...

Долго еще приговаривала бабушка Настя сквозь слезы разные слова, от которых вскоре сама устала. Она села на скамейку и все плакала, плакала. Приютили их кое-какие знакомые: мир не без добрых людей. Потом ходили из дома в дом ночевать. В ночлеге им никто не отказывал. Так продолжалось до тех пор, пока не выпустили из тюрьмы отца, а вскоре и мать. Александр Степанович и Ольга Иосифовна, сильно изменившиеся, враз постаревшие, места себе не находили от горя...

Наконец обосновались, стараниями отца, в маленькой комнатке на улице Мичурина. Хозяева, сами полунищие, сдавали внаем таким же убогие комнатушки, а сами ютились в сарае. На них тоже жалко было смотреть: вечно голодные, немытые, нечесаные ребятишки, измученные нуждой и пьянством отца, ругающиеся непрестанно родители... Но деваться было некуда. Крыша над головой — великое дело, пусть даже времененная, не своя, но крыша!

Таня не сводила глаз с одной прекрасной вещи, которая была в этом доме, правда не в их малюсенькой комнатке. Эту вещь хранили и всячески оберегали, не позволяли чужим рукам прикасаться к ней, такой блестящей, такой лакированной!

Это было пианино. Оно было загадкой, прекрасной тайной, открывающейся не всем подряд.

Таня иногда ходила вокруг этого блестящего, завораживающего инструмента и мечтала... О чем? А она и сама бы не могла ответить. Конечно же, о самом хорошем, о своем будущем, которое обязательно скоро настанет и будет прекрасным для ее мамы, для отца, для Анастасии так же, как для нее самой...

А пока она познавала только горькую сторону жизни — в избытке слезы, в достатке огорчения, полной мерой обиды...

ШКОЛА

Естественно и просто приняла Таня известие о том, что завтра в школу. Незаметно для Куницыных, пребывающих в своем безысходном горе и болезнях, ищущих и не находящих ответа на все случившееся с ними, подошел день 1 сентября. Каким бы радостным, каким бы запоминающимся мог бы стать этот день для их девочки, если бы...

Можно было бы, конечно, и пропустить год учебы из-за непредвиденных семейных обстоятельств, что, может быть, и сделали бы другие, но только не Куницыны. Они решили так: что есть, в том пусть идет в школу Таня, без обновок. Мама выкрасила старое Танино платьице в темный цвет и пришила белый воротничок. Пару тетрадок попросили взаймы у соседей — вот и все сборы. Букварь у Тани давно был. Она его от корки до корки читала свободно. Трудно ей было в этот последний перед школой день. Жизнь ее до этого неожиданного дня была каким-то затяжным, как во сне, кошмаром. Ее спрашивали — она отвечала, ей велели — она делала без удовольствия, без радости. Таня стала чуть старше себя самой, той спокойной, мечтательной, загадочной девочкой, когда ей хотелось тайно повелевать мальчиками Бойко, дикими зверями, удивлять своих и маминых знакомых разумностью, логичностью ответов, сложностью вопросов, что-то ежедневно придумывать и изображать из себя. Какое-то новое, сильное и чрезвычайно приятное чувство вдруг овладело ею.

Из окна слышался уличный шум и чириканье воробьев в кустах, чужие неинтересные разговоры, какие-то оклики. Хозяйские ребятишки, такие беззаботные, шныряли во дворе между сараев, задирая друг друга. Надежда на необыкновенное, чудо вселилась в нее, не велела теперь много хмуриться и печалиться вместе со взрослыми. Хорошо маленькой девочке жить с надеждой!

Школа, в которую пошла учиться Таня, располагалась как раз напротив дома, в котором они временно поселились. Это было неказистое, совсем обветшалое двухэтажное помещение. Его даже не удосужились побелить к началу учебного года. Но окна сияли чистотой и были распахнуты настежь! Окна первого этажа были вровень с асфальтом. Видно было, как внутри наводится последний блеск, ведется перестановка парт, скамеек... Обычная для тех времен школа-семилетка. А то, что она была рядом, радовало Таниных родителей: можно будет до поздней осени, почти до снега, бегать на уроки без верхней одежды. Можно будет на время слякоти обойтись без резиновых сапог, а сразу же с летней обуви перейти на зимнюю. Грустная радость!

И вот Таня Куницаина-первоклассница. Теперь она почти взрослый человек. Ей уже задают взрослые вопросы: «Как

дела в школе?», «Какая новая тема сегодня была самой интересной?», «А как учитель относится к тем, кто опаздывает на уроки?»

Училась Таня хорошо. Ей совсем было легко справляться с математическими задачами, примерами, потому, должно быть, что математику она полюбила сразу, с первого урока. Таня и до поступления в школу очень любила все считать, пересчитывать, менять цифры местами, составляя тем самым собственные несложные задачи. Упражнения по русскому языку, чистописание ей не очень нравились, но Таня знала, что это необходимо. Писать, как курица лапой, она в будущем не собиралась, а потому и усердствовала на уроках. С чтением было сложнее. Букварь был прочитан весь самостоятельно еще до школы. Этим Таня не только удивила, но даже немного и раздосадовала свою учительницу — ведь остальные дети только-только буквы стали осваивать! Поэтому на уроке чтения Таня зевала, вертелась, считала ворон в окне, искала, чем бы другим заняться.

Отношения с детьми сразу же стали сложными. Вскоре Таня стала выделяться среди других и каким-то небрежным, смотрящим немного свысока взглядом на все происходящее вокруг нее, слишком уж детское, упрощенное. Спорили из-за какой-то буковки, у которой хвостик должен писаться с изгибом, а не прямо, до драки доказывали друг другу, что про яблоки задача легче решается, чем про насосы. Громко говорили о том, что в школу надо ходить только в строгой форме, а тот, кто не в форме, пусть лучше дома сидит. При этом дети поглядывали на Таню. А Таня даже и встревать в такие споры не хотела. Мелкими они были для нее. Она столько всего уже повидала в жизни, через такие испытания прошла, что все эти разговоры казались ей полной ерундой. Девочка отличалась от других еще и тем, что была хуже всех одета. Этот факт был налицо, и с ним ничего нельзя было поделать. Он отложил свой отпечаток на всю ее дальнейшую жизнь. Он преследовал ее всегда — в школе, на улице, дома. А больше она никуда и не ходила. Разве могла идти речь о детском театре, куда иногда ходили ее одноклассники? Это оставалось недосягаемой мечтой. Потому говорить об этом не было никакого смысла. Даже подойти к своим ровесницам, что-то спросить было для Тани большим неудобством. Ее тут же оглядывали с головы до ног, насмешливо начинали перешеп-

тываться. Она стояла и незаметно прятала ногу за ногу: на ней были старые ботинки, кое-как починенные Александром Степановичем. Некоторые девочки просто не замечали ее, быстро отходили в сторону, всем своим видом давая понять, что с «такими» они не водятся и говорить, собственно, не о чем. И это продолжалось все школьные годы.

Таня не имела привычки жаловаться родителям. Молча, мужественно переносила она свои тяготы, обиды, приказывала себе сжаться, выстоять. Зато превосходила всех в учебе. Это было главным, единственным козырем. Разве поймет ее жизнь вон тот сытый, розовый, как поросеночек, человечек, который вчера отдавил ей ногу, но не извинился, а, взглянув на ее ботинки, махнул рукой: «А-а, они у тебя все равно рваные!» — и побежал дальше. Разве расскажешь вон тем смешливым болтушкам о том, что вчера она два раза падала в голодный обморок и что у нее нет ничего теплого, а ведь скоро зима? Они могут только удивленно поднять брови, усмехнуться и спросить: «А как же вы тогда живете?» Потому Таня никому ничего не объясняла, а жила по своим собственным законам, не задевая других и ничего не рассказывая о себе.

Но обратить на себя внимание окружающих очень хотелось, как любому нормальному умному ребенку. И она старалась всегда что-нибудь придумать. Татьяна Александровна Куницына вспоминает о себе с улыбкой, с такой хорошей, почти детской улыбкой, что становится вдруг видна ее детская пора — с хитринкой, с лукавинкой в глазах, засмотревшись только:

— Я стала просто хулиганить в школе, а что мне было делать на уроках? Уроки меня не мучили. От двоек я никогда не страдала. С ходу все решала. Мне в этой школе скучно было, а другой школы, более интересной, не было! Я придумала вот что: в школу, в свой класс, я стала входить через окно. Все через дверь входят, а я через окно! Вот такой оригиналкой захотела быть! Через дверь входить — это каждый может. Я где-то, у кого-то об этом прочитала, вот и захотелось самой попробовать: что же будет? А потом это мне понравилось, так и пошло. А что, кто запретит? Где, в каких правилах это запрещено, я желала бы знать? Приказа директора по этому поводу нет и никогда не было. Как нравится, так и делаю. Мне было смешно смотреть на моих сверстников, которые чинно сидят за партами и боятся пошевель-

нуться, как будто от этого они лучше станут читать или писать. Как они мне не нравились: все одинаковы! А вот я такая, не как все! К этому времени я почти совсем хулиганкой стала. Со мной надо было что-то делать. Но хулиганила я по мелочам, так, для разрядки обстановки, красиво хулиганила. Вот потому-то никто на меня не злился и не бежал к завучу жаловаться. А я сама себя за это даже любить стала...

Учительница Тани вынуждена была вызвать в школу Ольгу Иосифовну и рассказать ей все. А Ольга Иосифовна слушала и улыбалась. Уж она-то понимала свою Таню! «Ожила моя девочка, наконец-то!» — думала она. Учительница долго не могла понять, чему улыбается эта женщина. Но дальше шли одни похвалы: Таня прекрасно училась! Такие ученицы редко встречаются.

Ольга Иосифовна, почувствовав расположение к ее Тане, как на духу рассказала учительнице всю свою горькую жизнь, события последнего времени. Должна же учительница знать, в какой обстановке пребывают ее ученики после школы, что их гнетет, что заботит.

Татьяна Александровна долго вспоминает имена знакомых, когда-то дорогих ей людей. Многие стерлись из памяти, ушли в прошлое, в небытие. Кого-то самой не хочется вспоминать, а, вспомнив, произносить вслух имена. А иных, и ныне здравствующих, душа не хочет принимать по имени-отчеству. Но свою первую учительницу, свою любимую Марию Трофимовну Поспелову она никогда не забудет! Имя первой учительницы она вписала в себя, как в святцы.

Мария Трофимовна Поспелова близко приняла к сердцу все, что узнала о семье Тани. Она давно полюбила Таню. В глубине души сочувствовала ей, улыбалась всем ее нелепым, смешным выходкам. Умная, схватывающая даже самый трудный урок на лету, девочка нравилась Марии Трофимовне с каждым днем все больше и больше.

Любят не за что и не вопреки, любят потому, что сердце велит. Иной раз достаточно одного взгляда на человека, чтобы сразу, на всю жизнь полюбить его, удивляясь потом всю жизнь своей любви, своей способности так любить. Скрывать свою любовь, не позволять себе выделить предмет своей любви, чтобы не сделать ему больно раньше времени, это другой вопрос. На это тоже имеется высшее право. Но любить искренне, бескорыстно — этого никто никогда никому

запретить не может, потому что это происходит по воле души и сердца... Вот и пошел огонек Тани Куницыной от огня большой любви.

Мария Трофимовна имела большую преподавательскую практику, умела разбираться в своих учениках. Кому только не помогала! Сколько славных, добрых, чудесных ребятишек прошло через ее руки и сердце! Она умела, как никто, отличить напускное от настоящего, маску от истинного лица ребенка. Она радовалась слезам, сквозь которые пробирались смешинки, как солнечные зайчики. За иной улыбкой видела слезы, скрываемые горе. С первых слов разговора с учеником в школе Мария Трофимовна уже знала, что его мучает. Спешила встретиться с родителями. Очень тонко, совсем не навязчиво пытаясь она воздействовать на воспитание ребенка в семье.

После разговора с Ольгой Иосифовной Мария Трофимовна приняла самое горячее участие в судьбе Тани. Обе женщины оказались близкими по духу, сдружились. Ольга Иосифовна стала часто бывать в школе, справляться не только о поведении дочери, но и об ее отношениях со сверстниками, с преподавателями. Мария Трофимовна взялась помочь в решении их жилищной проблемы. Писались многочисленные совместные письма в администрацию, ходатайства от школы о невыносимых условиях жизни девочки, ее незаслуженно осужденных родителях, лишении семьи крыши над головой без предоставления какого-либо другого жилья, что было тоже противозаконным. Просили помощи в получении хотя бы какого-нибудь угла.

Своего просители все-таки добились.

Квартира была крайне запущенная, но зато состоящая из трех небольших комнат. Этаж был низким. Окна выходили на проезжую часть дороги, были чуть-чуть выше уровня земли. Прохожие могли наблюдать все, что происходило внутри, если окна очень плотно не занавесить. Стены в квартире были выкрашены в немыслимый темно-зеленый цвет и навевали такую смертную тоску по вечерам, когда все вокруг казалось таким темным. Некрашеные, совсем рассохшиеся полы ходили ходуном под ногами, скрипели и вздыхали на разные голоса. К тому же не было электричества. А самое страшное — не было в доме радио: новости не доходили, события происходили будто бы на другой планете...

Но это было их жилье! И теперь Куницыным надо было

его осваивать, приводить в порядок, привыкать к нему. Стали жить без мебели, с керосиновой лампой и с большой мечтой о лучших временах, которые обязательно скоро наступят!

Первым делом Александр Степанович раздобыл по случаю белой краски, что-то на что-то обменявшись. В доме должно быть светло! Александр Степанович не успокоился, не стал ждать лучших времен, чтобы пригласить специалиста-электрика, а самолично провел электричество.

Засияло все в доме! Жить захотелось!

В один прекрасный день и радио заговорило.

Это был настоящий праздник, хоть гостей зови!

Куницыны долго дружили с Марией Трофимовной Постеповой. Желанной гостьей у них всегда была она, такая вся лучистая, простая, дорогая. И своих детей, двух дочек, Мария Трофимовна воспитала такими же замечательными людьми. Татьяна Александровна Куницына к воспоминаниям о ней возвращается не раз — дорогой ей человек!

Таня долго болела ветрянкой. Слабый организм очень трудно переносил болезнь. Она еле передвигала ноги, когда вновь пришла в школу. Ходила по коридорам притихшая, с большими, темными кругами вокруг глаз. Она редко с кем разговаривала и не улыбалась совсем. О своем прежнем озорстве вспоминала с тихой усмешкой. Она была как тень, казалось, тронь только пальцем, и упадет. Иногда ей было так плохо, что приходилось пропускать уроки. И тогда Мария Трофимовна приходила сама. Она и посоветовала Ольге Иосифовне сходить к директору или завучу, попросить в связи с перенесенной тяжелой болезнью освободить дочку от предстоящих экзаменов. Ведь училась Таня до болезни отлично. Должны же пойти ей навстречу.

Не раз и не два ходила Ольга Иосифовна к директору, к несговорчивому завучу. Ольга Иосифовна ради здоровья дочери была согласна на то, чтобы оставить ее на второй год. Дочка валилась с ног от непосильной нагрузки. Долго не соглашался завуч. Только после того, как Ольга Иосифовна сказала, что Таня она сама не позволит сдавать экзамены и согласна оставить ее на второй год, завуч сдался. Дело было еще в том, что завуч, будучи литератором, не совсем одобрял то, что Таня Куницына увлеклась математикой, а не литературой.

После семилетки Таня Куницына училась в средней шко-

ле. В той же средней школе оказался завуч, который так упорно не желал освобождать Куницыну от экзаменов. Опять им предстояло быть вместе и не только терпеть друг друга, но и работать, и учиться. Он даже не подозревал, как глубоко в душу запало Тане его неуважение к ней. Завуч привел с собой и несколько девочек из старой школы, своих любимиц, очень нарядных особ, вежливых, улыбчивых, всегда довольных жизнью. Они, как майские птички, щебетали на переменах и уроках, держались отдельно стайками.

Таня была опять одна. Знакомых в школе не было, обзавестись новыми она не спешила. Веселые девочки на первых порах и учились лучше под покровительством своего доброго завуча. Таня пыталась было сблизиться с этими девочками, но они были как раз из тех, кто в старой школе обходил ее стороной. И поэтому желание это быстро отпало. В новой школе они вели себя точно так же. Они были недовольны появлением на их фоне все той же Куницыной: она в конце концов опять могла затмить их своими знаниями...

И еще резче обозначилась разница в одежде. Девочка-подросток, почти совсем уже взрослая девушка, продолжала носить свои выцветшие, стираные-перестираные давние платьица. И кто бы подсказал ей в то горькое время, что золотой момент превращения гадкого утенка в прекрасного лебедя еще не настал...

Девочка училась, постигала азы наук, вырабатывала свой собственный, ни на какой другой не похожий характер. Училась понимать добро и зло, хороших и плохих людей. Подруг у Тани по-прежнему не было.

Татьяна Александровна опять и опять вспоминает то, что ушло, но навсегда врезалось в память:

— Поворота уже не было в сторону улучшения отношений со сверстницами, с одноклассницами... Худая, длинная, одни кости да кожа — кому была охота дружить со мной, кому я была нужна? А главное — старье носила! Те, из благополучных семей, уже и сами были мне не нужны. Я сама стала их сторониться. А процветающий наш завуч-литератор среди нарядных девочек вроде бы царьком был. Перед ним заискивали, ему угоддали, ему дарили подарки на праздники. Он прекрасно знал, кто дарит эти подарки. Видеть это было противно! Со мной у него были по-прежнему натянутые отношения... Не хочу даже имени его называть! Сыща-

ла иногда и взрослые насмешки в мой адрес, в адрес родителей по поводу моей одежды. А в основном было полнейшее равнодушие, которое уже не повергало меня в отчаяние, как в младших классах. Я увлеченно занималась математикой. И когда учитель давал час на решение трудного варианта, его решала за полчаса. И быстро первой выходила из класса. В этот момент я чувствовала себя легко и уверенно. Я высоко держала голову! И вот тогда все как по команде смотрели мне вслед, и перешептывания были уже другого рода. Не по поводу моей одежды... До сих пор не пойму, почему пришло ко мне такое сильное увлечение математикой.

Годы учебы в средней школе подтвердили, что без ее чудесной Марии Трофимовны жить трудно. Посмотреть бы теперь ей в глаза. Сказать бы о том, как нелегко, как хочется пооткровенничать, поделиться планами...

Позже Татьяна Александровна встретит множество замечательных людей, добрых и умных. Тех, кто будет ей помогать, и тех, кому она будет помогать. Но таких, как Мария Трофимовна, она больше не встретит. О ней Таня всегда думала как о своей матери, второй матери, не менее дорогой и любимой... Да, те, у которых мы учимся, правильно зовутся нашими учителями. Но ведь не всякий, кто учит нас, заслуживает это прекрасное имя...

Совсем недавно отыскалась вдруг одна из дочек Марии Трофимовны Поступовой, Верочка. Она с большим трудом нашла адрес Татьяны Александровны, долго не решалась явиться к ней, стеснялась своей нищеты и просьбы о необходимой ей помощи. Она была сильно больна. Наконец решилась, пришла. На звонок в прихожую вышла Татьяна Александровна. Они долго смотрели друг на друга и все-таки узнали, вернее, она, Куницына, угадала в этой, уже старенькой, измученной болезнями и бедами женщине черты своей дорогой Марии Трофимовны. Сходство было поразительным: не черты лица подсказали, а взгляд, излучающий такое великое добро, такую искренность! Знакомые морщинки на лице... Женщина была с палочкой и поднялась к Куницыной с большим трудом. Долго не могла отдохнуться, но все время улыбалась.

Да, ей нужна была срочная помощь. Кто же, как не она, Татьяна Александровна, и помочь-то ей может? Все прежнее лечение, долгие хождения по больницам не дали результатов.

Спасла ее только Куницына.

В этот вечер воспоминаний они долго не могли наговориться. Великая доброта незабываема, сколько бы лет ни прошло, сколько бы ей веков ни исполнилось. Иная так и передается из поколения в поколение легендами, воспоминаниями, простыми пересказами. ...Вышли на осеннюю, заливую солнцем улицу, долго бродили, шурша опавшими листьями. Теперь уже молчали — у каждой были собственные мысли, но хорошие, теплые. И горько, и хорошо на душে!..

ВЫБОР

Kончались трудные тридцатые годы.

Таня Куницына росла в то время, когда советские люди осваивали Арктику. Что ни год — новый подвиг изумлял мир. Дух захватывало у молодежи! Вечерами собирались у репродукторов семьями, с друзьями, жадно вслушивались в эфир. Тысячи мальчишек и девчонок мечтали стать полярниками, вместе с храбрецами дрейфовать на льдине. Они как бы вступали в поединок с суровой стихией. Географические карты школьников в те годы были исчерченны удивительно смелыми маршрутами новых, невиданных походов и полетов. А во время половодья на Волге сколько мальчишек приходилось снимать с льдин! Обмерзшие, испуганные, они после не раскаивались в том, что решили дрейфовать, подражая папанинцам, челюскинцам.

Таня Куницына-комсомолка едва успевает выполнять разные поручения. Впереди — окончание школы, большие раздумья: кем быть?

— Будь, дочка, человеком в первую очередь, кем бы ты ни надумала стать, какую бы профессию в жизни ни выбрала. В любых условиях это пригодится, самое лучшее, надежное качество души, — не раз напутствовал дочь Александр Степанович. Как он хотел видеть Таню хорошим специалистом! Он прочил ей математический путь и был почти уверен в том, что она именно так и поступит: станет математиком...

А тут небывалое событие потрясло дом Куницыных. Нежданная радость пришла! Мама Тани, Ольга Иосифовна, забеременела! Радости родителей, как помнит Татьяна Александровна, не было предела. Быть может, это последняя радость, которую посыпало им небо, судьба наградила за все,

что пережили и выстояли. Пусть в маминых глазах много грусти, радость все равно побеждала! И Таня рада-радехонька: наконец-то у нее будет сестренка, родная на все будущие годы душа! Маме было уже 39 лет, но выглядела она совсем молодо, особенно когда улыбалась, и чуть-чуть стеснялась своей беременности. Тогда лицо ее розовело, она готова была говорить, говорить. Голос ее стал чистым, каким-то прозрачным — будто ручеек... Александр Степанович был на седьмом небе от счастья. Он никак не ожидал после всего пережитого, что такое счастье придет к нему. Он просто не сводил глаз со своей Ольги. Слов не находил, чтобы выразить то, что происходило в его душе.

А Ольга Иосифовна каждый вечер садилась у окна, обняв свою старшую. Они вдвоем мечтали. Они не знали, как у них все сложится после рождения ребенка, но верили только в хорошее. Анастасия тоже радовалась, но глаза ее часто засыпали слезы. Уж она-то знала, какие трудности их ждут, когда в семье случится прибавление. Ведь зимы были очень холодные. Печи приходилось топить лузгой от семечек, которая прогорала моментально. Тепла от нее было мало — вспыхнет разом, займется костром, потом еще чуть-чуть мелкая зола потлеет — и все.

Помнит Таня, как они с отцом волоком тащили с Волги топливо. Вылавливали багром плывущие топляки, подтягивали к берегу, высушивали на солнце, потом распиливали эти бревна на части и через весь город волокли домой. Хоть и горели пропитанные смолой чурбаки дымно, но все-таки подольше, чем лузга. Ради тепла можно было и потерпеть. Таня выполняла любую работу, порой очень тяжелую, надрывала руки, живот. Она не позволяла Ольге Иосифовне переутомляться, брать на себя непосильную ношу...

Родилась девочка!

Имя ей дали самое мирное — Ирина! Слово «Ирина» означает мир! Как это хорошо! Как здорово! Александр Степанович не спускал с рук дочурку. Он помолодел. Об этом ему не раз говорили при встречах знакомые, поздравляя с прибавлением в семействе. Близкие и просто знакомые поздравляли Ольгу Иосифовну, Таню, Анастасию. А кое-кто вздыхал тяжко: как же им, Куницыным, будет теперь нелегко! И так еще из нужды не выкарабкались, а тут прибавление семейства!

Но прочь все вздохи, прочь! Радоваться надо человеческому счастью, поддерживать его! И поддерживали кто чем мог: дарили подарки, улыбки, цветы...

Таня радовалась сестренке больше всех. Она постарается помочь маме воспитать Ирочку!..

Приближались выпускные экзамены. Таня часами занималась с маленькой сестренкой, строила большие планы, возлагала необыкновенные надежды на Ирочку: то летчицей знаменитой видела ее, то талантливой актрисой, а то учительницей или крупным ученым. Судьба же распорядилась по-своему. Малышке Ирочке недолгая жизнь была отпущена. Ей, всеобщей любимице, было уже два годика, третий пошел. Резвая не по летам, она удивляла взрослых необыкновенно радостным восприятием всего, что видела вокруг. Она будто бы спешила жить. Скорее, скорее все узнать, запомнить, оправдать их, взрослых, любовь к ней.

Ирочка заболела. Очень серьезно. В округе, во всем городе бушевала дизентерия — коварная, неуступчивая, безжалостная болезнь. И детей, и взрослых она уносила десятками, сотнями. Косила самых слабых, неокрепших еще в жизни. Не выдержала Ирочка испытания, которое выпало на ее долю. Здоровье и без того не ахти какое, отсутствие необходимого лечебного питания, медикаментов довели дело до страшного конца: организм сдался, не умел бороться! Погасла ангельская улыбка быстро.

Напротив Куницыных жил врач, профессор. Он регулярно навещал больную девочку, но, кроме беглого осмотра и утешительных слов, ничем не помогал. Родителям он рассказывал пространно о том, что в его практике не было ни одного смертельного случая, что в скором времени все образуется, что все городские клиники переполнены такими больными и нет смысла везти девочку так далеко от дома, потому что детей кладут на лечение без родителей, а такой слабенькой там не выжить без любви материнской и внимания. Он затем благополучно уходил и уносил с собой деньги, которые Ольга Иосифовна, опустив глаза, совала ему в руку, да еще благодарила неизвестно за что.

Таня, присутствовавшая при этом, то краснела, то бледнела, не зная куда девать глаза. До глубины души она возмущалась поведением этого ученого дядьки. Врач не должен быть таким!

Таня возненавидела этого профессора. «Гнать надо таких из медицины, — думала она уже про себя. — Обирают бедных, которые последние свои копеечки собрали, чтобы положить в его лохматую жадную лапу. Где милосердие, сострадание? Чему его учили в институте?»

Выбор был сделан сразу же, как только похоронили Ирочку. Сестренка все снилась и снилась Тане. Глядела молча ей в глаза и как бы требовала какого-то решения. Она снилась до тех пор, пока Таня не сказала твердо сама себе: «Буду врачом, хорошим врачом!» А какой же еще она могла сделать выбор, кроме этого, единственного? С математикой она решила подождать. Только медицина!

Родители поддержали Танин выбор сразу же. «Какие золотые у меня мама с папой! — опять подумала Таня. — Они не станут отговаривать, могут только поддержать». Ольга Иосифовна обняла дочь, поцеловала, как бы напутствуя.

Александр Степанович походил, помолчал, оценивая про себя важность разговора с дочерью:

— Людям малым и старым нужна твоя профессия. А работа с людьми — это очень важно. Но и спрос с тебя будет соответственный. Только с тебя. Помни это, Таня!

Ой, как крепко запомнила эти слова отца Таня, на всю жизнь! «Только с тебя одной спрос будет!» — она повторяла не раз эти слова на фронте и в мирной жизни, в трудном, послевоенном становлении. В Тане стала пробуждаться какая-то совсем взрослая уверенность, упорно убеждающая ее в том, что она способна добиться цели. Взвесив все «за» и «против», пришла к окончательному выводу и весело поприветствовала сама себя: «Здравствуй, будущий доктор, Татьяна Александровна Куницына! В добный путь!»

Как-то раз Таня очень внимательно посмотрела на себя в зеркало, совсем не так, как раньше смотрела: в детстве язык себе показывала, иной раз, торопясь, мельком взглядала, едва поправив прическу, вздохнув неудовлетворенно и торопясь скорее уйти прочь. В этот раз было все по-другому: она будто готовилась к чему-то очень важному. Ей необходимо было оценить себя со стороны, взглядом постороннего человека.

Обращали на себя внимание глаза, ставшие неожиданно взрослыми. Таня замечала, что многие при беседе с ней, особенно при споре, не выдерживают чуточку прищуренного,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	5
Светлый знак неба	7
Школа	19
Выбор	27
Фронтовые дороги	33
На запад!	41
Испытания	53
Польша	58
Утро победы	64
Возвращение	73
Место под солнцем	85
Главное дело	91
Второе дыхание	109
Взлет	114
Жизнь — не праздник	124
«Друзей моих прекрасные черты...»	127
Творчество	139
Мать	144

Литературно-художественное издание

Людмила Михайловна Каримова

ЗОЛОТОЙ СКАЛЬПЕЛЬ

Художественно-документальная повесть

Редактор *З. Т. Ларионова*

Художник *В. К. Иванов*

Художественный редактор *В. К. Иванов*

Технический редактор *О. В. Долгов*

Коректор *Г. С. Ялунина*

Компьютерная верстка — *Д. С. Измельцев*

ИБ № 266

Лицензия ИД № 06505 от 26.12.2001. Подписано в печать 24.06.02. Формат 60x90 1/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. п. л. 10,5+1 вклейка. Уч-изд. л. 10,08+1,15
вклейка. Тираж 500. Заказ 1861.

Диапозитивы предоставлены издательством.

Региональное Приволжское издательство «Детская книга».
410028, г. Саратов, ул. Вольская, 63

Государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени
Саратовский полиграфический комбинат Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 410790, г. Саратов,
ул. Чернышевского, 59.

163p 14a

